

—

Так как землетрясение произошло ночью и затронуло жилые районы, число жертв и пострадавших было огромным. Вся страна следила за происходящим, и именно тогда имя Янь Чангэ стало известно миллионам. Он в одиночку проявил невероятное мастерство в ходе спасательной операции, увеличив скорость поисков более чем в три раза. Отвоевывая жизни у самой смерти, он спас бесчисленное множество людей. Такого человека СМИ не могли обойти вниманием, а государство — не превратить в символ.

Особенно учитывая, что власти как раз планировали навести порядок в среде мастеров боевых искусств. Янь Чангэ стал идеальным примером: его всюду рекламировали, призывая других мастеров вступать в ряды добровольцев. Съёмочная группа того самого шоу, на которое Янь Чангэ не пришел, сначала планировала отправить судебную претензию о выплате неустойки за срыв съёмки. Однако, увидев репортажи из зоны бедствия, они молча разорвали иск.

В эти дни Янь Чангэ дал бесчисленное множество интервью. И каждый раз журналисты заставляли его за делом: он то помогал возводить временное жильё, то ухаживал за ранеными, постоянно находясь в гуще событий. Он выглядел измотанным, но его глаза сияли чистотой, а с пострадавшими он был предельно мягок, выполняя самую простую, черную работу.

Один из журналистов, показав ему видео с его феерической работой мечом на завалах, спросил:

«Вы — мастер такого высокого уровня, обладающий невероятными навыками. Не кажется ли вам, что заниматься здесь работой, которую может выполнить обычный человек, — это все равно что забивать микроскопом гвозди?»

Янь Чангэ ответил так:

«Сравнение насчет «микроскопа и гвоздей» я считаю неверным. Да, возможно, я двигаюсь чуть лучше обычного человека, но это не значит, что я какой-то особенный. Это лишь означает, что я могу делать всё чуть быстрее и сил у меня чуть больше. Но это повод делать больше работы и помогать большему числу людей, а не причина считать себя выше других. Я считаю, что использовать боевые искусства, чтобы таскать камни на завалах или кипятить воду для раненых во временном лагере — это одна и та же работа. В ней нет места делению на «высокое» и «низкое», потому что порыв у нас один — принести хоть малую долю пользы людям, попавшим в беду».

Его ответ был настолько возвышенным, что журналисту показалось, будто парень заранее зазубрил текст. Однако на любые вопросы Янь Чангэ отвечал с тем же бескорыстием. Он даже добавил:

«Я считаю, что вместо интервью со мной вам лучше поговорить с нашими великими бойцами освободительной армии. Эти солдаты за моей спиной не смыкали глаз три дня и три ночи, борясь за каждую секунду. Они не жалуются, не стонут от усталости. В этом ледяном холоде они снова и снова, рискуя жизнью при повторных толчках, спускались под землю и выносили выживших на своих спинах. У меня хотя бы есть внутренняя энергия, защищающая тело, мне усталость нипочем. Но эти солдаты — обычные люди, они держатся на одном лишь упорстве, на пределе плоти и крови. Почему же вы видите только меня, красующегося с мечом, но не замечаете этих великих воинов?»

«Честно говоря, я почти ничего не сделал. Те, кто реально тащил людей на себе, те, кого самих придавило завалами во время афтершоков — это они. Вам нужно интервьюировать их, они — самые достойные люди!»

Пока Янь Чангэ говорил это, командир отряда и несколько бойцов как раз отдыхали позади него. Их лица были настолько черными от грязи, что невозможно было различить черты. Они жадно пили воду из кружек, а кожа на их руках потрескалась от мороза и тяжелого труда.

Янь Чангэ взял одного из солдат за руку и сказал журналисту:

«Если хотите сделать фото, не снимайте меня. Снимите руки этих бойцов. Видите их? Это не руки пианиста, художника или каллиграфа. Это даже не руки, созданные держать меч. Они выглядят грубыми и некрасивыми, но именно этими руками были спасены жители городка. Видите мои руки? Контраст очевиден, верно? Но три дня назад их руки ничем не отличались от моих. А теперь? С такими ранами любое движение причиняет адскую боль, каждая ссадина и трещина кровоточит сильнее, стоит им сжать кулак. Посмотрите вокруг — у каждого здесь такие руки, без исключения».

Журналист, пришедший выполнять сухое политическое задание, был глубоко тронут. Глядя на обмороженную кожу и искалеченные пальцы солдат, он не сдержал слез. Он достал камеру и сделал снимок тех самых рук.

Позже эта фотография получила престижную международную премию, открыв всему миру величие китайских солдат.

Когда репортаж вышел в эфир, в нем показали не только мастерство Янь Чангэ, но и подвиг сотен безымянных героев.

В тот момент, когда журналист ушел, командир отряда обнял Янь Чангэ и, не найдя слов, лишь дважды крепко ударил кулаком по его спине.

Если вы братья, слова не нужны. Командир закончил только школу и не был так образован, как Янь Чангэ, чтобы говорить красиво, но он чувствовал его душу!

Эта история мгновенно разлетелась по зоне бедствия. Все солдаты теперь смотрели на неутомимого Янь Чангэ с обожанием — он был их братом, их боевым товарищем!

Спасательные работы длились больше месяца. Цюй Лянь и Янь Чангэ оставались на передовой до тех пор, пока все выжившие не были устроены. Домой они вернулись лишь за три дня до Нового года по лунному календарю.

«Странно», — недоумевал Цюй Лянь по дороге назад. — «В этот раз мое смертельное испытание никак себя не проявило. Ты ведь говорил, что чем ближе Новый год, тем больше копится негативной энергии и тем опаснее становится. Почему сейчас тишина?»

«Дай посмотрю», — Янь Чангэ взял Цюй Ляня за подбородок, вглядываясь в его черты. — «Твои знаки смертельной угрозы в этом году полностью исчезли».

«А? Но ведь до праздника еще три дня?» — не понял Цюй Лянь.

«Глупый», — Янь Чангэ легонько щелкнул его по носу. — «Ты всё это время творил добро. В тебе накопилось столько светлой энергии, что никакой негатив не может на тебя повлиять. Твое «испытание пятого года» уже пройдено. Тебе нужно и дальше совершать добрые

поступки, тогда, возможно, и будущие кризисы обойдут тебя стороной».

«Вот оно что...» — кивнул Цюй Лянь. — «Тогда я буду и дальше вместе с тобой зарабатывать деньги и помогать людям!»

«Умница», — Янь Чангэ наклонился и коснулся губ Цюй Ляня, и их поцелуй быстро перерос в долгий французский поцелуй.

Водитель Нин Бучжэ: «...»

«Почему... я... не поехал... с братьями-солдатами... в той... другой... машине?!» — вопил он про себя.

А всё потому, что Цюй Лянь с такой надеждой посмотрел на Нин Бучжэ и настоял, чтобы тот поехал с ними. Солдаты возвращались в части — после миссии им дали отпуска, чтобы повидаться с родными. В полиции Линьчэна на праздники тоже наступило затишье. Линь Чэньбин, у которого не было семьи, решил остаться в части с теми, кто не смог уехать. А Нин Бучжэ был приглашен Цюй Лянем встречать Новый год у них, поэтому они и оказались в одной машине.

«Я всё придумал!» — с блеском в глазах заявил Цюй Лянь. — «До Нового года три дня. Первые два дня я буду восстанавливать силы, а в новогоднюю ночь мы займемся «этим», и тогда сможем продолжать с этого года до следующего!»

«Я могу продолжать до послеследующего», — ответил Янь Чангэ. И он не шутил: благодаря заслугам за спасение людей его истинная энергия была настолько переполнена, что он чувствовал себя буквально распираемым изнутри. Он мог бы заниматься этим хоть десять лет подряд.

Цюй Лянь, конечно, не поверил, уткнулся в плечо Янь Чангэ и рассмеялся. Они начали дурачиться и ластиться друг к другу.

Водитель Нин Бучжэ на переднем сиденье: «...»

«И зачем только я согласился ехать к этой семье Цюй?»

По прибытии в Линьчэн Янь Чангэ едва успел принять душ, как его вызвал в управление начальник Сюй.

«Сяо Янь», — ласково начал Сюй, — «комиссия дважды приходила за тобой, но не застала. Впрочем, это неважно. Они уже сдали отчет, твоя кандидатура одобрена».

Янь Чангэ лишь спокойно улыбнулся — он был уверен в результате.

Видя его невозмутимость, Сюй остался доволен: «Ты молодец, не заносишься. Комиссия хоть и не нашла тебя в городе, но видела репортажи из зоны бедствия. Раньше они опасались: мастер с такими способностями, если свернет на кривую дорожку, станет неуязвим для закона. Но когда они услышали твои слова о солдатах, все проголосовали «за». Они верят в твою порядочность и считают, что ты сможешь взять на себя реформу китайских боевых искусств!»

«Вы преувеличиваете», — скромно отозвался Янь Чангэ. — «Я обычный человек. Мои слова и поступки идут от сердца. Мой принцип прост: действовать так, чтобы совесть была чиста».

Шэнь Ифэй, присутствовавший при разговоре, одобрительно кивнул. Янь Чангэ действительно вызывал уважение — теперь у Шэнь Ифэя даже рука не тянулась к кобуре при виде него.

Однако начальник Сюй втайне поразился: за то время, что они не виделись, речь Янь Чангэ стала куда более искусной. Раньше, хоть он и мастерски владел чиновничьим языком, в его словах чувствовалась нарочитость. Теперь же всё звучало естественно, искренне и при этом невероятно убедительно. Каждое слово било точно в цель.

«Славный парень», — начальник Сюй похлопал его по плечу. — «Передавая Ассоциацию Боевых Искусств в твои руки, мы, старики, можем спать спокойно».

Когда формальности были закончены, Шэнь Ифэй отвел Янь Чангэ в сторону.

«Нам удалось развязать язык Ван Линьчжи. Эти отбросы из мира боевых искусств пользовались своей силой для преступных махинаций: проституция, наркотики, азартные игры, контрабанда... Они делились прибылью с верхушкой ассоциации, а те их покрывали. В Конгрессе тоже есть их люди. Ван Линьчжи виновна по многим статьям, но семья Ван — лишь маленькое звено в этой сети. У неё нет прямых улик против Чан Исю, эти люди очень осторожны», — возмущенно рассказывал Шэнь. — «Но она подтвердила, что глава ассоциации Линьчэна Ян Ляньчжи связан с центром. Он знает больше, но он силен и осторожен. Мы не можем найти зацепок. Прошлый обыск у него дома ничего не дал, теперь мы связаны по рукам и ногам».

«Мне нужно проследить за ним?» — спросил Янь Чангэ.

«Это было бы идеально, хе-хе...» — Шэнь Ифэй уже не церемонился с Янь Чангэ, зная, что тот всегда готов помочь.

«Хорошо», — без колебаний согласился Янь Чангэ. — «И еще, я думаю, вам стоит обратить внимание на подпольные ринги в Линьчэне. Там вы найдете много интересного».

«Мы знаем, что там нечисто. Власти города пытались закрыть этот клуб, но сверху пришел отказ под предлогом «культурного обмена боевыми искусствами». Мы пробовали внедрить туда людей, но там слишком много мастеров», — Шэнь понизил голос. — «Ходят слухи, что агенты госбезопасности пытались туда проникнуть и исчезли бесследно. Ни тел, ни вестей».

«Я понял», — кивнул Янь Чангэ. — «Значит, клуб пока не трогаем, начнем с ассоциации Линьчэна. Раз комиссия меня одобрила, а Ян Ляньчжи как раз собирался уступить мне место — момент подходящий».

Подумав о том, что скоро он возглавит ассоциацию, наведет порядок в мире боевых искусств и будет получать бесконечный поток заслуг, забыв о страхе превратиться в меч или погибнуть от Кары, Янь Чангэ невольно улыбнулся.

Но в этой улыбке сквозила холодная расчетливость, а в сторону Ян Ляньчжи от него повеяло жадной крови. Эта аура была такой мощной, что стоявший рядом Шэнь Ифэй мгновенно выхватил пистолет, а волосы на его руках встали дыбом.

Янь Чангэ: «...Капитан Шэнь, вы слишком напряжены».

Шэнь Ифэй долго сверлил его взглядом, прежде чем медленно убрать оружие и вытереть пот со лба.

«Давно тебя не видел, старые рефлексы вернулись. Постараюсь привыкнуть».

Несмотря на план разделаться с Ян Ляньчжи, Янь Чангэ решил не спугнуть добычу раньше времени. Все дела — после праздников.

А сейчас самое важное — Новый год.

В этом году Цюй Фэн пригласил Янь Чангэ и Цюй Ляня к себе. Цюй Лянь решил взять с собой Нин Бучжэ, чтобы в новогоднюю ночь раскрыть тайну его происхождения. Раньше Янь Чангэ скрывал личность Нина, чтобы уберечь его от врагов, но теперь, после Небесной Скорби и обретения огромной энергии, он мог легко защитить его, оставив частицу своего божественного знания на нем. Безопасность была гарантирована, так что пришло время семье воссоединиться.

После этого Янь Чангэ намеревался официально просить руки Цюй Ляня у его семьи. Только после этого обряда он планировал познать с ним радости плотской любви. Хотя Янь Чангэ и был мечом, он свято чтит приличия. Он собирался прожить с Цюй Лянем вечность, и отсутствие благословения семьи казалось ему неуважением.

Об этом своем плане Янь Чангэ не сказал никому, даже Цюй Ляню, решив устроить сюрприз в новогоднюю ночь.

Цюй Фэн каждый год звал племянника к себе, но тот всегда отделялся обещаниями, а сам уходил развлекаться в одиночестве. В этот раз Цюй Фэн тоже не особо надеялся, но по привычке приготовил для него красный конверт с деньгами. Каково же было его удивление, когда утром в кануна Нового года Цюй Лянь пришел к нему помогать клеить праздничные парные надписи.

«Хорошо, очень хорошо!» — у степенного Цюй Фэна выступили слезы на глазах. Спустя столько лет ребенок наконец отпустил старые обиды. Кто бы ни повлиял на него, Цюй Фэн был бесконечно благодарен этому человеку.

Взгляд его упал на Янь Чангэ. Цюй Фэн хотел было пожать ему руку, но на полпути мужество оставило его, и он лишь произнес: «За эти полгода наш Сяо Лянь изменился благодаря твоей заботе».

К его изумлению, Янь Чангэ сам крепко схватил его руку и с жаром потряс: «Так и должно быть. Дела Цюй Ляня — это мои дела. Заботиться о нем — моя прямая обязанность».

Цюй Фэн: «...»

«Почему это прозвучало как-то... двусмысленно?» — подумал он.

Он с трудом высвободил руку и посмотрел на Нин Бучжэ, которого привел Цюй Лянь. Нин Бучжэ был холоден как лед; аура бойца, закаленного на подпольных рингах, была не столь подавляющей, как у Янь Чангэ, но тоже внушала трепет.

«А это...» — замялся Цюй Фэн.

Нин Бучжэ ответил с каменным лицом: «Не спрашивайте меня. Я тут лишний».

Он так устал быть водителем и слушать мечты этих двоих о счастливом будущем, что хотел лишь тишины.

Несмотря на его неприступный вид, Цюй Фэн почувствовал к нему необъяснимую симпатию.

Цюй Лянь хитро улыбнулся и взял дядю под локоть: «Дядя, давай сначала наклеим надписи. Когда всё украсим и старший брат вернется из офиса, закончив дела компании, я всех официально представлю».

Цюй Фэн кивнул, но его взгляд продолжал приклеиваться к Нин Бучжэ. Этот юноша вызывал в нем необъяснимое чувство приязни. Хоть он и был суров, как Янь Чангэ, и совсем не вежлив, он нравился Цюй Фэну куда больше «зятя».

Когда они вошли в дом, следом за ними вбежали Сяомао, Сяоту, Сяоми и Сяохуа — они тоже собирались встречать праздник всей семьей. Вилла Цюй Фэна была огромной и обычно казалась пустой, но с приходом компании Цюй Ляня в ней сразу стало шумно и уютно. Цюй Фэн невольно заулыбался, и даже аура Янь Чангэ стала мягче.

После того как надписи были наклеены, а хлопушки взорваны, домой вернулся Цюй Жуй. Теперь вся семья была в сборе.

Цюй Лянь посмотрел на Нин Бучжэ и медленно встал.

—

Автору есть что сказать:

Командир отряда: «Я всего лишь выпускник школы, у меня нет твоего образования».

Янь Чангэ: «Ты слишком скромн, я вообще даже в начальную школу не ходил».

Командир: «...»

—

<http://bllate.org/book/14517/1285752>